

Кубанский ун-т
Научные Труды.
Вып. 231.
Краснодар, 1976
с. 80-98.

МОРСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ АРТЕМА ВЕСЕЛОГО

Морская тема в творчестве Артема Веселого (Кочкурова Николая Ивановича) не случайна, не случайно и то, что первая значительная его повесть «Реки огненные», принесшая заслуженную известность автору, посвящена морякам.

Ровесник века (родился 29 сентября 1899 года), член партии большевиков с марта 1917 года, один из вдохновеннейших певцов Октября, Артем Веселый закончил гражданскую войну военмором Черноморского флота в 1922 году. А до этого был бойцом Красной гвардии, членом укома партии и одновременно редактором местной газеты, красноармейцем на Южном фронте, журналистом, членом уездной ЧК, а летом 1920 года — редактором-организатором агитационно-инструкторского поезда «Красный казак»... Впоследствии писатель говорил о себе: «В революцию кинулся со всем пылом и жаром молодости. Вел низовую партийную работу, был бойцом Красной гвардии, председателем уездного партийного комитета, редактором, потом опять солдатом на Южном фронте, матросом. Короче сказать, не вылезал из шинели до осени 1922 года»¹.

Таким образом, «Реки огненные», опубликованные в «Молодой гвардии» (1923, № 1) и сразу обратившие на себя внимание читателей и критики, написаны человеком, хотя и молодым, но имевшим за плечами большой жизненный опыт непосредственного участника величайшей истории человечества — социальной революции и беззаветно замышлявшим штыком и пером идеи этой революции.

Повесть, написанная, что называется, по горячим следам событий, отразила впечатления, наблюдения и раздумья молодого Артема Веселого в пору его службы во флоте. Будучи уже известным писателем, он в конце

М. Х. ЭБЗЕЕВ

1934 года рассказал о творческой истории своего произведения: «1922 год. Севастополь. Флотские казармы. Бегу по казарменному двору с котелком на кухню за обедом и вот мельком, краем глаза вижу — двоих старой службы пьяных моряков под конвоем гонят на гауптвахту: они оборваны, потрепаны и лица их, лают последними словами и конвойных, лают и смеющихся комсомольцев-моряков молодого призыва, лают власть, бога, угодников, кричат слова смрадной брани проходившему мимо конвою экипажа и комиссару. Все это я вижу и слышу в какую-то долю минуты и ныряю в кухню, а вечером того же дня уползаю куда-то в темный угол и на измятых листках курительной бумаги, в лихорадке азарта, пишу один из своих первых лучших рассказов «Реки огненные». Весь рассказ вылился сразу, с одного почерка, почти без поправок. С тех пор прошло тринадцать лет, новые рассказы и две большие книги сгроханы мною, а страницы «Рек огненных» стоят невозмутимо, как дубы, под грозами и бурями, и нету в них строки, которую мне хотелось бы убрать или заменить...»².

За три неполных года (1923—1925) повесть переиздавалась в периодике и отдельной книгой семь раз. Сам факт такого количества изданий говорит о большой популярности повести среди широких кругов читателей. Критика тех лет действительно отметила популярность «Рек огненных». К примеру, М. Силин указывал, какую категорию населения и чем привлекало произведение молодого писателя: «...захватила самые широкие слои низового комсомола. Яркий, хлесткий язык, близость и широта темы послужили причиной тому»³.

Объективности ради необходимо отметить, что «Реки огненные» вызвали и отрицательную критику. Так, молодой Вс. Вишневский в статье «Хулиганы революции» («Красный Балтийский флот», 1923, 15 февраля) резко разошелся с Артемом Веселым в оценке роли старых моряков в революции и гражданской войне: «...и хочется спросить Артема Веселого — где же тут моряки? Неужели вы проглядели их, так-таки не заметили за пять лет? Жаль, очень жаль, тов. Артем Веселый. А можно ведь было! На авансцене революции были моряки. И если уж не видели моряков, то бросьте про них писать. А что получают у вас не «реки огненные», а «реки гнойные»⁴.

Этот спор о роли моряков старой службы в революции имел неожиданное продолжение позже в переписке Вс. Вишневского с Максимом Горьким. М. Горький опубликовал статью «Советская эскадра в Неаполе» («Наши достижения», 1930, № 2), по поводу которой Вс. Вишневский в своем письме Горькому писал: «Вы нехорошо, неправильно обрисовали старых русских матросов. Взяли трех ребят, запивох (да, может, и они славные парни и давно погибли в боях 1917—1920 гг.) и (может быть, желая сказать краснофлотцам лестное) обобщили эту тройку — вот какие старые матросы, грубые, истеричные и т. д.

Нехорошо. Мне ли говорить Вам о единстве противоположностей и т. п. Старые матросы, мы, какие бы ни были тогда, раньше, сделали много. По результатам судите (мы делали СССР!), по числу убитых, калек, по числу единиц, которые теперь все на высших командных постах»⁵.

В ответном письме, косвенно взяв под защиту «Реки огненные» Артема Веселого, Горький отстаивает свою точку зрения: «О матросах Вы написали мне неубедительно. Вы не можете отрицать, что современные моряки культурнее дореволюционных. Затем Вы забыли о Кронштадтском бунте. Из того, что я упомянул о трех матросах, еще не значит, что я знал только трех. Нет, я знал многих... Роль старых матросов в Октябрьской революции мне известна. После революции они несколько изменились, что отмечено нашей литературой, например, в рассказе Артема Веселого «Реки огненные», в пьесе Тренева «Любовь Яровая» и т. д.»⁶.

Впрочем, не следует преувеличивать творческие разногласия Вс. Вишневского и Артема Веселого в изображении старых матросов, так как они, эти разногласия, носили временный характер.

В самом деле, анархистствующие моряки из «Оптимистической трагедии» во многом родственны морякам-махновцам из повести Артема Веселого «Реки огненные». Другое дело, что в «Оптимистической трагедии», написанной уже зрелым мастером, более четко, нежели в «Реках огненных», реализована идейная установка автора: образы Алексея и Вожака «уравновешиваются» прежде всего образом комиссара, в то время как в повести Арте-

ма Веселого анархисты Ванька-Граммфон и Мишка-Крокодил занимают центральное место.

«Реки огненные» описывают события Октябрьской революции и гражданской войны. Моряки-анархисты Ванька-Граммфон и Мишка-Крокодил превратно, односторонне поняли дарованную революцией свободу как свободу всяких действий: допрашивать, расстреливать, требовать внимания любой приглянувшейся им женщины, воровать, пьянствовать, грабить, никому не подчиняться. В «памятном семнадцатом годочке» «из крейсера вывалились» (очевидно, потому, что военный корабль в условиях революции и гражданской войны очень даже мог стеснить их «свободу») и целых пять лет, «плавая по сухой пути», «наворачивали революцию». Но вот после пятилетнего «шаланья по белу свету» эти «нахрапистые, напористые» моряки-анархисты, вольготнее всего чувствовавшие себя у батки Махно, решили вернуться на крейсер: то ли к морю их потянуло, то ли потому, что кончилась для них «райская жизнь». Да и в самом деле, им решительно «не везет» теперь: «Была свобода — осталась одна горькая неволя. Взгрустнулось о 17—18 годочке: очень подходящее для таких делов. Грабнул два раза и отыгрался. Месяц живи и в карман не заглядывай»⁷.

По пути на корабль, поскольку «братишкам» теперь не дают «развернуться вовсю», они не прочь пробавляться и такими «безобидными шутками»: «Ванька харкнул на кружевной зонтик дамы, плывущей впереди. Коротко проржал, будто пролаял» (стр. 7). А уж чужое берут так же уверенно и ловко, как и во времена недавней «райской жизни» — чувствуется солидный «стаж»: «Старика линком в брюхо, в подпол. Западня чвавк. Есть на-лево» (стр. 9). Так как на них «от всей военморской роботы одни клеши остались: обхлюстанные, шириною с поповские рукава» (стр. 5), на корабле их узнал, да и то лишь до «цветистой сочной ругани», только старый боцман. Он угостил «братишек» вином. Дружки вторично командуют незадачливого боцмана за выпивкой. Вино выпито — и «Ванька нацелился и метнул бутылкой старику в лысину. Мишка проржал и в сон» (стр. 26). Так начинается их кратковременное, полное скандалов и конфликтов пребывание на корабле. Дальше — избивание комиссара, паразитизм, постоянная агрессивность, неоднократные столкновения с новой командой военмором и нежиз-

данный для них исход: судовая комиссия «по очистке от элементов» списывает их с крейсера.

Изображение краха, несостоятельности, разоблачение антигуманной сущности притязаний личности на неограниченную свободу (на деле это требование анархии, которая подчас граничит с заурядным бандитизмом) — основной пафос «Рек огненных». Писатель сурово осуждает одностороннее, иждивенческое, антиобщественное толкование свободы, как первопричину и «теоретическую» базу эгоизма и буржуазного индивидуализма, осудил носителей демагогического требования «абсолютной» свободы.

Морякам-махновцам Ваньке-Граммфону и Мишке-Крокодилу Артем Веселый противопоставил строителей нового, советского флота, моряков-комсомольцев. Они дисциплинированы, полны революционного энтузиазма, упорно трудятся и кропотливо учатся, стремясь стать настоящими моряками. Таким образом, идейная направленность «Рек огненных» и политическая позиция писателя предельно определены и четки. Идеино и художественно мотивирован финал произведения: закономерен крах отщепенцев, которых автор отрицает во имя идеала война-строителя, человека-созидателя, призванного к жизни и творчеству советским строем.

Но о советском поколении военморов мы узнаем главным образом по рассказам старого боцмана. На первом плане — колоритно и ярко, всесторонне и убедительно выписанные фигуры моряков-анархистов, носителей стихийного, неуправляемого начала революции. Образами же молодых военморов не хватает как раз этой художественной убедительности.

Художественный просчет (ни о чем другом здесь не может быть и речи) Артема Веселого, выразившийся в недостаточно убедительном воплощении замысла произведения, очевидно, был во многом предопределен «сопротивлением материала», который в то время еще не нашел своего художественного осмысления в нашей литературе. В самом деле, тип моряков-анархистов сложился сравнительно давно, «проявил» себя полностью, исчерпал свои возможности и вот теперь уходит со сцены. А моряки-комсомольцы делали на исторической арене первые шаги. Опыт их еще не велик, характеры и возможности только начинают выявляться. Тем не менее писатель всей логи-

кой своего произведения подводил читателя к мысли о том, что будущее именно за молодыми военморами-комсомольцами.

Еще в 20-е годы за Артемом Веселым закрепилась репутация писателя, чрезвычайно увлекающегося неуправляемой, безудержной стихией и даже симпатизирующего — говорилось и такое — носителям этой необузданной стихии, одним словом, репутация этакого бесшабашного «казака в литературе». У М. Чарного, одного из первых исследователей жизни и творчества писателя, Артем Веселый — в конечном счете лишь «певец партизанской стихии»⁸; у С. Пакентрейгера — необузданное «дикое перо»⁹; у В. Красильникова — изобразитель «бесшабашной удали, угарных молодечеств»¹⁰; А. Лежнев видит в нем «пристрастие к стихии бунта революции, восстания»¹¹. Е. Никитина, сокрушаясь по поводу «анархичности его убеждений», утверждала, что «избыток сил, здоровья и энергии «Рек огненных» и ряда других произведений не может скрыть от нас... анархическую тенденцию автора»¹². Вяч. Полонский, много писавший об Артеме Веселом в 20-е и 30-е годы и в общем-то сочувствовавший ему, находил что-то дикое в поведении, облике и творческой манере писателя. Даже в имени писателя он усматривал что-то непривычное и несуразное, хотя и предсказывал великое будущее этому имени: «Пройдет немного лет — произведения А. Веселого будут переводить иностранцы, и несуразное имя его станет вровень с самыми славными именами новейшей нашей литературы»¹³.

При этом удивительнее всего то, что этими броскими, но абсолютно неверными эпитетами наградили Артема Веселого самые ревностные поклонники его таланта. В их отзывах о писателе и отношении к нему восхищенное удивление легко соседствует с панибратски-снисходительным отношением, дескать, яркий талант, самородок, но талант дикий, самородок бесшабашный.

Именно это обстоятельство является причиной (правда, не единственной) того, что трактовка «Рек огненных» до сих пор осталась почти на уровне литературоведческой мысли 20-х годов, при этом не в лучшем ее выражении. Таков уж гипноз «благожелательного тона»: стоит ли опровергать «частности», «детали», «мелочи», если в «целом» произведение принято оппонентом восторжен-

но — вот вопрос, от которого не может отделаться всякий, кто подпадает под усыпляющее воздействие его. Сказанное имеет самое непосредственное отношение к «Рекам огненным», автор которых был обвинен в романтизации «угарных молодечеств» моряков-анархистов Ваньки и Мишки. Обвинение несправедливое, ибо тут речь идет прежде всего о политической ориентации художника и жизненной позиции Артема Веселого как большевика.

Прошли десятилетия, и в конце 50-х годов А. Макаров почти дословно повторил то, что говорили в 20-е годы некоторые критики о «Реках огненных»: «В изображении героев, забубенных головушек — матросов Ваньки-Граммфона и Мишки-Крокодила, которым не по новым порядкам на корабле, была нотка неприкрытого любования»¹⁴. Он утверждает, что «романтика авантюризма в повести А. Веселого играла роль далеко не положительную»¹⁵. А. Макаров «отсекает» все связи произведений А. Веселого с лучшими образцами русской и советской классики, изображая едва ли не единственными учителями А. Веселого Велемира Хлебникова и Андрея Белого, а самым близким соратником (по художественной манере) — Бориса Пильняка. В таком контексте — в изображении Артема Веселого и его творчества в стороне от магистрального пути становления советской литературы — становится совершенно неизбежной резко отрицательная оценка не только «Рек огненных», но и главного произведения писателя — эпопеи «Россия, кровью умытая».

Заметные сдвиги в смысле объективной оценки и глубокого анализа повести «Реки огненные» (и не только ее) в единстве формы и содержания на уровне современной науки наметились в последней работе В. Скобелева об Артеме Веселом¹⁶.

Страницы книги, посвященные этой повести, лучшее, что есть в нашем литературоведении о «Реках огненных». Но и В. Скобелев в какой-то мере оказался в плену гипноза, о котором говорилось выше. Вопреки всей логике своей трактовки произведения, он делает такую уступку своим оппонентам, в частности М. Чарному: «М. Чарный прав в одном: автор рисует Ваньку и Мишку «с некоторым чувством симпатии» (с. 53). Допустив такую уступку, автор закономерно допускает и некоторые «передержки» в анализе отдельных эпизодов повести. К

примеру, он пишет: «На то, чтобы активизировать читательскую симпатию к Ваньке и Мишке, ориентирован и к морю вообще. Вот они после долгих фронтовых скитаний подъехали к фронтовому городу — «в груди теплым плеском заиграла радость» (с. 54). Вполне естественно, что В. Скобелев «не заметил», как писатель объясняет причины этой радости, а она — радость — далеко не бескорыстна. Ведь для моряков-махновцев «житьишко» в условиях стабилизации государственности и порядка оборачивается трудной стороной: прошли те времена, когда «революционеры»-анархисты везде чувствовали себя хозяевами. И вот теперь им нужно «житьишко», то есть, собственно, корабль, где можно будет осмотреться, переждать, сориентироваться, а там видно будет.

Буквально рядом с эпизодом, на который обратил внимание В. Скобелев, приводится, так сказать, «программа» действий Ваньки и Мишки на ближайшее будущее: «Главный козырь — на суденышко грохнутья. В случай чего, и блатных пошукать можно...» (с. 9). И непосредственно вслед за этими соображениями анархистов — эпизод грабежа: «Старика пинком в брюхо, в подпол. Западня чвакк. Есть нале-во» (с. 9).

Совершенно очевидно, что Артем Веселый, как замечательный стилист, для романтизации героев использовал бы совершенно иную лексику, отличную от той, которая характеризует Ваньку и Мишку как беспардонных хахалов и отщепенцев. Не может быть и речи о их любви к родному кораблю и морю. Что же касается их радости от встречи с морем и крейсером, то тут тоже все ясно.

В. Скобелев выдвигает еще один аргумент в защиту своего тезиса о романтизации Артемом Веселым моряков-анархистов: «Повествователь усиливает ощущение своеобразной привлекательности дружков тем, что противопоставляет их физическое здоровье жалкому слабостию торгоша. Ловкие, здоровые, уминающие «окаменелую колбасу» морячки непосредственно соотнесены с человеком, у которого от страха «уши отвисли», а «черный рот... захлебывался в хлипе, в бормоте» (с. 53). Но здесь нет никакого противопоставления. Контраст чисто внешний: «морячки» и «торгош» — две стороны одной и той же медали, они могут легко поменяться местами. По занятой в революции позиции, по своему духу

Ванька с Мишкой такие же «торгаши». На этот счет в «Реках огненных» есть исчерпывающая характеристика дружков: «За длинными рублями гонялись,.. Нацет разных там эксов, шамовки али какой ни на есть спекуляции Мишка с Ванькой первые хваты. Черт с ними, не связывайся, распотрошат и шкуру на базар» (с. 5—6). Вся их философия сводится к блатной фразе: «Даешь берешь денежки и клеш и каргал» (с. 6). Мир обреченных историй многолик, агонизирующие «морячки» и жалкий «торгаш» — различные лики-гримасы его: здесь «свой своя не познаша», грызутся не на жизнь, а на смерть.

Наблюдения над языком повести позволяют сделать интересные выводы. В частности, о том, что молодой писатель умело пользуется приемами, резко снижающими, дискредитирующими образы Ваньки и Мишки и предупреждающими возможный эффект романтичности, привлекательности их похождения. Это, во-первых, упорное неоднократное подчеркивание главного в этих персонажах: отсутствия элементарного чувства долга и ответственности за свои поступки, склонности к воровству, насилию, к диким шуткам, крайнего индивидуализма, абсолютной глухоты к чужой боли и страданиям, способностью на добро ответить злом, недовольства невозможностью «хапать», как в первый период гражданской войны. Во-вторых, повествуя о «подвигах» анархистов, Артем Веселый максимально использует возможности экспрессивно-сниженной лексики.

Ванька с Мишкой не просто покинули корабль, а «вывалились из крейсера»; не просто пять лет не были на корабле, а «по сухой пути плавали» (что может быть позорней и обидней для моряка!); крейсер для них — «подходящее жилишко», ибо на суше за эти пять лет так обанкротились, что вряд ли кто рискнет жить с ними под одной крышей; после очередного хулиганского поступка Ванька не засмеялся, а «проржал, будто пролаял». Или вот самое начало повести: «Ванька-Граммфон и Мишка-Крокодил такие-то дружки, палкой не разгонишь». Уже эта первая фраза, задающая тон всему произведению, показывает, что отношение автора к героям в лучшем случае — насмешливо-ироническое. В погоне за «длинными рублями» они «шалались по белу свету... удалы мыкали». Эти «нахрапистые, сноровистые» дружки

«чужое для смеху прихватят», даже если оно им не нужно.

Стоит, наконец, обратить особое внимание на то, как они оценивают те грандиозные сдвиги, которые произошли в социально-политической жизни страны, в умонастроениях людей за пять лет после революции, и как они соотносят свое поведение с этими сдвигами. Вот образец их рассуждений: «Наша стара слобода была в тыщу раз лучч ихой новой политики. Была слобода — осталась одна горькая неволя. Давить их всех подряд» (с. 7). Да, «умчались пьяные, спотыкающиеся радости 17—18-го годочка». И всему виной «ихая новая политика», необходимость упорно трудиться и учиться. Ни работать, ни учиться они не хотят. Отсюда их желание «давить всех подряд», саботаж, ненависть к «комсе», «зеленым стручкам» — морякам-комсомольцам.

Игнорирование этого художественного своеобразия повести может привести (и приводило) к игнорированию авторской позиции и в конечном счете — к искажению объективного содержания произведения.

Совершенно другой интонацией и лексикой характеризуются эпизоды, изображающие трудовые будни военмор-комсомольцев. Автор не скрывает своей любви к ним, к этим новым хозяевам нового мира. Им все под силу, работают они как бы играючи, жизнь радостна, содержательна и светла, как солнце, которое щедро их греет и ласкает.

«Солнце на ногах —

команда на ногах —

команда верхом на корабле.

Вперегонышки: швабры, метелки, голики.

Плескался песок, опилки.

Веселое море опрокидывалось на палубу,

заливало кубрик.

Глотки котлов отхаркивались корками накипи,

Топки фыркали перегаром, зернистой угольной золой,

Всхлипывали турбины.

Ходили лебедки, опрокидывая кадки шлаку

в бортовые горловины.

Крик дождем —

руг градом —

работа ливнем.

Солнце горячими крыльями билось

в мокрую палубу, шекотало пятки,

смехом кувыркалось солнце в надраенной

до жару медной арматуре и поручнях» (с. 38—39).

Восторженное отношение писателя к труженикам нового флота передает, не только подбор определенной лексики, но и тщательно продуманная поэтическая ее организация. Перед нами не обычная проза, а то, что называют ритмической прозой. Данный отрывок больше тяготеет к стихам, нежели к прозе. Как и в стихотворном произведении, почти каждая строка в смысловом и синтаксическом отношении — логически законченная самостоятельная единица речи. Но особенно обращает на себя внимание интонационная выразительность, которая достигается прежде всего аллитерацией («Плескался песок, опилки», «Глотки котлов отхаркивались корками накипи», «Ходили лебедки, опрокидывая кадки шлаку в бортовые горловины» и т. д.). Умело использованы писателем и анафора («Солнце на ногах — команда на ногах», «команда на ногах — команда верхом на корабле», «солнце на ногах — солнце горячими крыльями билось в мокрую палубу... — смехом кувыркалось солнце...») и синтаксические аналогии («крик дождем — руг градом — работа ливнем»). Следует отметить лаконичность, емкость слов-образов, символичность (обилие света, тепло, чистота, веселье — все это символизирует оптимизм новых людей нового мира, чистоту их помыслов, святость их дела), характерные прежде всего для стихотворной речи.

Такова обобщенная картина жизни и быта советских моряков, изображенная А. Веселым. Вот тут романтизация жизни бесспорна, и эта романтизация связана с молодым поколением военморов, а не с «братишками-маховцами».

Однако писатель не дал в повести ни одного рельефно выписанного характера из среды военморов-комсомольцев, который мог бы противопоставить Ваньке и Мишке. В этом слабость повести. Очевидно, что и сам автор понимал это и не считал для себя решенной проблему — флот в эпоху революции и гражданской войны. Возможно, неудовлетворенностью художника объясняется появление в эпосе «Россия, кровью умытая» образа революционного матроса Васьки Галагана.

В многоплановой героической эпосе «Россия, кровью умытая», вобравшей в себя почти все написанное Артемом Веселым, одним из центральных образов является матрос Васька Галаган, человек-ураган, воплощение стремительно-вихревого и во многом стихийного начала

революции: человек, наделенный сильным духом, богатырской силой и незаурядными организаторскими способностями, не столько рассудительный, сколько горячий и решительный, поэтому способный и на подвиги в революции, но в то же время не застрахованный от «партизанских заскоков», чреватых самыми неожиданными и нежелательными последствиями. Одним словом, это герой эпохи гражданской войны, богатая, глубокая натура, колоритная фигура, характерная для своего времени. Галаган не чета Ваньке и Мишке: если он переплыл «реки огненные» и попал на «свой» берег, под влиянием передовых людей (рабочий Егоров, красноармеец Максим Кужель) стал истинным борцом революции и героически погиб в калмыцких безлюдных степях во время неудач и отступления XI Красной армии, то Ванька и Мишка так и не пристали ни к одному из берегов огненной реки — революции; пробушевал и отшумел ее очистительный огонь, а они так и остались в реке — теперь уже в стоячей и мутной воде, «реки огненные» обернулись для них, по меткому выражению Вс. Вишневского, «реками тшойными». Почему же так получилось? Может быть, потому, что они не встретили вовремя людей, подобных Егорову и Кужелю? Во всяком случае Галаган перерос их на целую голову: в то время как «братишки» сделали своим ремеслом воровство, спекуляцию, грабеж и насилие, Васька Галаган с гордостью говорит Кужелю о том, что у них на корабле триста мест золота, к которому никто из матросов и пальцем не притронулся.

Интересно проследить за ростом сознания Галагана, за тем, как он находит свое место в революции, и сопоставить его с другим центральным героем эпопеи — Максимом Кужелем — человеком из народной массы, брошенным в окопы империалистической войны защищать «отца и отечество». Это рядовой труженик войны, его путь к правде — путь миллионов. Он — один из оставших в душе и телом от бессмысленной войны солдат. Буквально на наших глазах он постигает азы политграмоты и с каждым днем все яснее осознает себя частицей огромной, несокрушимой силы. В вагоне товарного поезда, который мчит его на родную Кубань, посчастливилось Максиму встретиться с умным пропагандистом-большевиком. Были потом и другие встречи с большевиками, но именно эта первая определила его судьбу. Дорога Мак-

сима к родному дому оказалась трудной, долгой и опасной, но она определила все его дальнейшее поведение.

Мы несколько не удивляемся, увидев его через некоторое время в Новороссийске в качестве делегата, посланного одностаничниками в город за оружием для борьбы с контрреволюционным казачеством. Но поскольку в ревкоме и Совете засели меньшевики и эсеры, то Максиму, разумеется, кругом отказ. И тут неожиданная встреча с Васькой Галаганом, с которым он уже был знаком, вновь вселяет в него надежду, что вернется к товарищам не с пустыми руками. Галаган все может достать, потребовать, где силой, где зычным голосом. Он и пообещал помочь Кужелю достать оружие, но сейчас его больше интересуют «девочки-мармулевочки», которые «за пучок — пятачок». В ответ на слова Кужеля о том, что «в контрах вся Кубань», Галаган отвечает, что успеется уничтожить «всех контриков», а «пока первый праздник в жизни».

Но смертельно, на всю жизнь обидел бы Галагана тот, кто сказал бы ему, что он пока что анархист, а не революционный матрос; он убежден, что свято служит революции, как остальные десять тысяч матросов Новороссийска. Ваське кажется, что пять лет каторжной службы во флоте, причем все пять лет — кочегаром, дают ему полное право пожить теперь в свое удовольствие. Примечателен разговор его с Максимом в кочегарке корабля. «Дюже жарко», — говорит Кужель, обливаясь потом; Галаган возражает: «Это што. Два котла пущены. Это што. Вот когда все десять заведем. Жара восемьдесят. Да ведь надо не сидеть, платочком обмахиваться. Надо работать. Без отверту, без разгибу. Не пот — кровь гонит с тебя... Пять годиков тут отчубучил. Теперь свет увидал. Али и теперь не погулять»¹⁷.

Кужель надежнее Галагана: «алгебру революции» он усваивает с трудом, медленно, но основательно, бесповоротно. Максим застрахован от всякого проявления своеволия и анархизма. Рядом с богатырской фигурой Галагана с его безрассудной отвагой Кужель не выделяется ни силой, особенной, ни бойкой речью, расторопностью, храбростью и решимостью не отличается. И тем не менее именно он представитель народной революции, потому что Максим мудр мудростью народной, силен силой народа. В нем мы видим идейное, нравственное, сознатель-

ное начало революции, в Ваське — безудержный наступательный порыв, стихийный энтузиазм. Поэтому в начале своего пути в революцию он значительно слабее Максима. Таков объективный смысл этих двух образов.

Но очевидно и другое; здесь уместно говорить о диалектическом единстве и борьбе противоположностей, то есть эти два начала революции немислимы друг без друга, без взаимодействия, без взаимовлияния. Каким должно быть их соотношение, или, применительно к данному конкретному случаю: как народ должен в лице своих представителей относиться к таким героям-ураганам, каким является Галаган? Народная масса, как изображает Артем Веселый, должна поставить их на службу себе, направить их неиссякаемую энергию и революционный энтузиазм в русло сознательного, осмысленного служения революции. И она это делает.

В данной связи первостепенное значение приобретает эпизодический персонаж произведения — передовой рабочий Егоров. В первом издании эпопеи «Россия, кровью умытая» (1927) этого персонажа нет. Затем, от издания к изданию, автор целенаправленно все более и более усиливает идейную «нагрузку» образа Егорова.

А в издании 1932 года Галагана агитируют в два голоса Максим Кужель и Егоров. Они среди «пирующих победителей», моряков в городском парке. И вот «Егоров пить не пьет, а ус макает в бокал и то к одному, то к другому моряку подсядет:

— Хорошие вы ребята, а пьяночка вас зашибает... В море не тонете и в огне не горите, а тут есть риск и утонушь и погореть — не мимо говорит пословица: «Нет молодца, кой поборет винца»¹⁸. Ему отвечают: «Ты, отец, нам обедню не порть... Первый праздник в жизни» (с. 298). Но Егоров и не думает отступать: «Не рано ли нам праздновать? Помни, ребяташки, враг не спит, враг наступает... Выпить? Почему не так — выпить можно, только этого... не пора ли и за дельце браться?» (с. 298). И тут происходит перелом: «Распалось сердце Васькино, легко вспрыгнул он на стол:

— Братва, слушай сюда...

И начался тут митинг со слезами, с музыкой.

С кровью.

С мясом.

С шерстью.

Васька ровно из огня слова хватал: о фронте он говорил грозно, о революции торжественно, о буржуях — с неукротимой злобой... Максим с пятого на десятое рассказал про свою станицу, про бои с Корниловым. Говорили все желающие» (с. 298). Последним выступает Егоров: «Перед нами вопрос таков: где нам собрать силу на уничтожение врага? Сила у нас есть, только эта сила везде и всюду разбросана — кто гуляет, кто буянит, кто дома с бабой спит. Время зовет нас оставить вагоны, номера гостиниц, квартиры с мягкой мебелью, электрическое освещение и всякие гарнитуры... Наше место в окопах. Бросьте вы, ребята, заглядывать в бутылку, шмар под ручки водить, раскатываться по городу на лихачах, посещать шикарные рестораны. Бросьте вы, товарищи, игру в проклятые карты и ругань. На фронт! Пятьдесят годиков стукнуло, а, коли надо будет, и в огонь и в воду пойду хоть завтра, хоть сейчас. Клянусь» (с. 299).

Удивительное дело. Корнилов приближается к Екатеринодару, «в контрах вся Кубань», кругом нищета, разруха, страх и смерть, а в Новороссийске моряки, в общем-то преданные революции и готовые во имя ее идей сложить головы, «все пляшут, все поют, пыль в небо», женятся «каждый час, каждую минуту» и митингуют — поистине какой-то пир во время чумы. И перед нами не выдумка автора, все это было неизбежно, закономерно в начальный период гражданской войны. Об этом переломном состоянии в настроениях трудящейся массы говорил В. И. Ленин: «Понятно, что известное время все его внимание (рядового представителя трудящейся и эксплуатируемой массы. — М. Э.), все помыслы, все силы души устремлены только на то, чтобы вздохнуть, выпрямиться, развернуться, взять ближайшие блага, которые можно взять и которых не давали ему свергнутые эксплуататоры. Понятно, что известное время необходимо на то, чтобы рядовой представитель массы не только увидел сам, не только убедился, но и почувствовал, что так просто взять, хапнуть, урвать нельзя, что это ведет к усилению разрухи, к гибели, к возврату Корниловых. Соответственный перелом в условиях жизни (а следовательно, в психологии рядовой трудящейся массы) только только начинается. И вся наша задача, задача партии коммунистов (большевиков), являющейся сознательным выразителем стремления эксплуатируемых к освобождению

— осознать этот перелом, понять его необходимость, встать во главе истомленной и устало ищущей выхода массы, повести ее по верному пути, по пути трудовой дисциплины, по пути согласования задач митингования об условиях работы и задач беспрекословного повиновения воле советского руководителя, диктатора, во время работы»¹⁹.

Артем Веселый чутко уловил и с большой художественной убедительностью показал начало перелома в психологии и поведении своих героев. Под влиянием событий, благодаря агитации Максима Кужеля, Егорова моряки наконец поняли, что «просто взять, хапнуть, урвать нельзя, что это ведет к усилению разрухи, к гибели». Сразу после митинга в парке (уже которого по счету!), продолжавшегося несколько часов, все пришло в движение, «лед тронулся»: «Огрызком карандаша Васька заносил в блокнот имена желающих ехать на фронт. И под утро прямо из городского парка на вокзал двинулся партизанский отряд Васьки Галагана» (с. 299).

Перед самым отъездом на фронт Васька достал-таки Максиму двести винтовок. Здесь, как и во многих других эпизодах, раскрывается его деятельная, кипучая натура. Но ему явно необходим рядом такой человек, как Максим или Егоров, потому что, великолепно владея оружием, Галаган не всегда хорошо разбирается в том, когда и против кого нужно применять его.

Далее Галаган появляется на страницах произведения в самые трагические минуты его жизни, когда он, потеряв в кровопролитных боях весь свой отряд, в составе XI армии отступает через астраханские пески. Но это и самый героический, самый содержательный и осмысленный период его жизненного пути. И именно в это время он вновь встречается с Максимом Кужелем. Эта последняя встреча подчеркивает общность их судеб и целей.

Таким образом, Галаган научился делать то, чего не хотели и не умели делать герои «Рек огненных» Ванька и Мишка: соотносить свои желания и потребности с необходимостью, с требованиями и задачами революционного народа. И не только соотносить, а и подчинять личные побуждения и поступки общей организующей и мобилирующей идее.

Исключительную важность этой победы, которую одержал Галаган, — победы над самим собой, над своими

слабостями, победы разума и сознания необходимости над стихийным бунтарством, мелочным самолюбием и анархическими поступками — так же убедительно показывает писатель образом талантливого комбрига Ивана Черноярова, во многом противопоставленного (значительно резче, чем Галаган) Максиму Кужелю как рядовому представителю народной массы, прозревшему под влиянием большевиков и призванного революцией преобразовать мир на новых, революционных началах. Чернояров — человек еще молодой, но успевший на фронтах империалистической войны проявить храбрость и постигнуть науку истребления людей. Рожденный и воспитанный в семье зажиточного кубанского казака, он с детства бредил войной, с юных лет «отбился от двора и вырос безграмотным», работать в поле или дома его никакие силы не заставили бы.

Грянула революция, и только что вернувшийся с войны Иван, подхваченный всеобщим революционным энтузиазмом, ринулся в нее защищать, как ему казалось, идеи «батяки Ленина». Но его «партизанский отряд», — а на самом деле просто банда — воюет на Украине и с гайдамаками, и с Петлюрой, и с немцами, и... с большевиками. Затем, через некоторое время, Иван оказывается в Красной Армии в качестве прославленного комбрига. Он храбрый воин и командир, но как воспитатель и наставник — величина исключительно отрицательная, сам нуждается в наставнике. Бригада Черноярова почти ничем не отличается от его прежней банды: все здесь держится не сознательной дисциплиной, а исключительно волей командира, что всегда таит в себе неожиданные опасности: стоит пошатнуться командирскому авторитету, и бригада перестанет быть боевой единицей. И Черноярову приходится всеми правдами и неправдами поддерживать свой авторитет: и угрозой, потаканием низменным страстям подчиненных, и подчеркиванием значимости своей персоны, и демонстративным неподчинением командованию армии. Телохранитель Черноярова, бездумный головорез Шамиль, предательски убивает командира соседнего полка: его конь очень приглянулся комбригу; сам Иван в присутствии бойцов своей бригады расправляется с уполномоченным Военного совета армии Арслановым. Своим анархизмом он вносит разлад в действия армии в условиях отступления. Командование

решает положить конец произволу и «атаманству» лихого, но опасного командира — расформировать бригаду. Но самолюбивый комбриг, склонив на свою сторону небольшую группу бойцов, откололся от своих, в первой же стычке с белогвардейцами был разбит и попал к ним в плен.

Такова неумолимая логика развития образов Галагана и Черноярова. К началу революции оба эти героя находятся на одинаковом расстоянии от Максима Кужеля. Но затем, по мере вовлечения героев в круговорот грандиозных событий эпохи, насколько максимально приближается к Кужелю Васька Галаган, настолько отдаляется от него Чернояров. В конечном счете Галаган становится соратником и единомышленником Максима, Чернояров же — его антиподом.

Правда, в плену у белогвардейцев он ведет себя мужественно, не склоняется перед врагами. Ему предложили командовать белогвардейским полком, потом — даже дивизией. Иван отказывается и поносит на чем свет стоит своих врагов. Стойко выдерживает все пытки, «харкает кровью» в лицо палачей, до самой смерти «каленным шпатом» отвечает на угрозы и уговоры и погибает смертью героя.

Свои воспоминания об Артеме Веселом И. И. Подвойский озаглавил так: «Он верил в народ»²⁰. Эта вера предопределила тематику и поэтику произведений Артема Веселого, героем которых стал возрожденный Октябрем к новой жизни народ. В его творчестве тема народа неотделима от темы революции, партии. В раскрытие этих тем писатель внес много своего, оригинального и неповторимого, достойного тщательного изучения. Это относится к художественному исследованию Артемом Веселым проблемы — русские моряки в эпоху революции и гражданской войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

Артем Веселый. Автобиография. — В кн.: Артем Веселый. Мои лучшие страницы. Харьков, «Пролетарий», 1927.

Артем Веселый. Потоков рождение. — «Лит. газета», 1934, 26 декабря.

См. предисловие к кн.: Артем Веселый. Реки огненные. М. — Л., 1924, с. 4.

Цит. по кн.: М. Савченко. Кинодраматургия Всеволода Вишневского. Краснодар, 1964, с. 37.

5. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. — «Литературное наследство», т. 70. М., 1963, с. 47.
6. Там же, с. 49.
7. Артем Веселый. Реки огненные. М. — Л., 1924, с. 7. В дальнейшем, приводя цитаты из повести, используем это издание. В тексте в скобках указываем страницы.
8. М. Чарный. Певец партизанской стихии. М., 1933.
9. С. Пакентрейгер. Дикое перо. — В кн.: Артем Веселый. Сб. статей. М., 1931.
10. «Красная новь», 1927, № 9, с. 276.
11. А. Лежнев. Литература революционного десятилетия. Харьков, 1929, с. 98.
12. Артем Веселый. Сб. статей. М., 1931, с. 29.
13. Там же, с. 115.
14. А. Макаров. Разговор по поводу. — В кн.: А. Макаров. Разговор по поводу. М., 1960, с. 183.
15. Там же, с. 184.
16. В. Скобелев. Артем Веселый. Очерки жизни и творчества. Куйбышев, 1974, с. 192. Далее, цитируя это издание, указываем страницы в тексте.
17. Артем Веселый. Мои лучшие страницы, с. 112.
18. Артем Веселый. Россия, кровью умытая. М., 1932, с. 298. В дальнейшем страницы романа указываются в тексте.
19. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 201.
20. И. И. Подвойский. Он верил в народ. — «Новый мир», 1963, № 11.